

RELEVANT TOPIC

UDC 93/94 (47). 01, 02

Old Russian Politogenesis in German Historiography

Andrey Dvornichenko

Saint-Petersburg State University, Russian Federation
199034, Saint-Petersburg, Mendeleevskaya Liniya, 5
Doctor (History), Professor
E-mail: museumspsbu@yandex.ru

Abstract. The article analyzes German historiography, related to the problem of ancient politogenesis: the origin and development of political institutions and statehood. This historiography was under the strong influence of the Russian scientific thought, first of all, its emigrant branch. As a result, the "democratic" theory of politogenesis reflected in the works by the German and Austrian historians.

Keywords: German historiography; Kievan Russia; Russian emigrant historiography; old Russian politogenesis; "democratic" theory; city-state; community.

Введение. Видимо, надо напомнить о том, что такое Древняя Русь. Это всё равно, что Киевская Русь. После того как на месте братской союзной республики — Украинской ССР — оказалась самостоятельная и временами не очень дружелюбная к России страна, многие россияне стали с подозрением относиться к понятию «Киевская Русь». Правда, в Украине многие стали исполнять вокруг него эдакие «пляски святого Вита». Между тем это всё тот же условно выделяемый начальный период восточнославянской истории, своего рода колыбель трёх народов: русского, украинского и белорусского. Хронология его обычно мыслится так: IX — начало XIII в. — где-то до начала монгольского завоевания

Пожалуй, еще более важно оговорить, что такое политогенез. Современная наука выделяет три значения этого термина: 1) становление государства; 2) становление и эволюция сложной (надлокальной) политической организации; 3) в самом широком смысле — становление и эволюция политической организации в человеческом обществе вообще [1; 211]. Именно в последнем значении я и буду употреблять это понятие. Такое значение представляется мне наиболее полезным и функциональным. Дело в том, что слишком часто в нашей науке политогенез сводят лишь к генезису государства. Результат известен: оно под пером многих авторов появляется как черт из табакерки. Между тем государство — результат длительного и сложного развития, плод переплетения и взаимодействия многих процессов и явлений экономической, политической и социальной жизни. Государствогенез является только частью процесса политогенеза [2; 11]. Ясно, что без решения проблемы политогенеза мы не сможем создать адекватной картины истории Древней Руси в целом, да и всей отечественной истории.

Особое значение имеет изучение этой темы в историографическом плане. Мы пока ещё очень плохо представляем себе историографический процесс и в отечественной исторической науке. Тем более — за рубежом. Внимание привлекает германская историография. Дело в том, что западная историческая наука не очень активно интересовалась древностями восточных славян. Немцы здесь приятное исключение. Немецкие историки включились в изучение русской истории ещё в XVIII — XIX столетиях, находясь ли в стенах созданной Петром Великим Академии Наук или служа в славном

Дерптском университете. Но это «наши» немцы, поскольку, так или иначе, они связаны с Россией. В данной статье речь идёт об историках немецкоязычных земель...

Насколько мне известно, к данной теме обращался В.Т. Пашуто, ставя перед собой цель подвергнуть критике враждебную западную историографию [3; 4 и др.]. Можно вспомнить ещё труды В.П. Шушарина и И.П. Шаскольского, весьма информативные, но выдержанные в том же духе [5; 6]. Теперь пришло время проанализировать историографию *sine ire et studio*.

Материалы и методы. Изучен комплекс германоязычной исторической литературы методом историографического анализа. Главная цель статьи: поиски возможной связи между немецкой и российской историческими школами и одновременно прояснение сложной и запутанной проблемы политогенеза.

Обсуждение. Прежде, чем говорить непосредственно о зарубежной историографии, уместно сказать хотя бы в нескольких словах, к чему пришла российская историческая наука ко времени «великого русского исхода». Характер развития русской историографии в изучении политогенеза хорошо уловил историк права И.А. Малиновский, значительное время служивший в Томском университете, а незадолго до смерти возглавлявший кафедру обычного права в Киевском университете. В своей небольшой книжке, подводя своего рода итог изучения древнерусской государственности, он показал, что сначала (в XVIII – первой половине XIX в.) учёные изображали Киевскую Русь как монархию, потом поняли, что это демократия [7; 32–35]. Возобладала концепция, которую называли по-разному: земско-областническая, волостная и т.д. Я предлагаю для простоты называть её «демократической», что, на мой взгляд, отражает суть дела: ведь главной идеей в этой концепции было главенство народа и демократических институтов в Киевской Руси, в частности, народного собрания (веча) [8; 9]. До 1917 г. эта концепция владела умами учёных, находя воплощение в монографиях, определяя содержание соответствующих разделов учебников.

Стоит добавить, что данная концепция очень плохо уживалась с представлением о существовании государства в Киевской Руси. Конечно, разброс мнений тут был весьма широк: от нелепых определений «родовое (племенное)» государство до полного отрицания существования государства в Киевской Руси или невозможности поделить его в рамках научной терминологии.

Вот такие идеи российские историки и повезли с собой в изгнание, в эмиграцию. На Родине эти идеи потом надолго были забыты. Но есть основания предполагать, что могли оказать значительное влияние на западную историографию. Однако сначала вспомним более старые времена...

Длинный девятнадцатый век не так много дал в плане изучения истории государственности чуждой и враждебной Европе страны, чаще всего выступавшей в роли европейского жандарма. Более лояльно относились к России «братья-славяне», в среде которых в ходе усиления настроений национального возрождения начались интенсивные разработки проблем истории. Теория политогенеза оказалась в тени глобальной проблемы характера и культуры славян, запущенной в мировое пространство мыслью германских историков и мыслителей. Спектр мнений здесь хорошо известен: от шлёцеровского утверждения о примитивности славян и их национального характера до высказывания знаменитого философа Гердера о бесхитростных и гуманных, «голубиных» (Я. Коменский) народах, хотя и занимающих на Земле больше места, чем в истории [10; 499–501].

Непосредственно восточными славянами немецкие историки заинтересовались довольно поздно: в конце XIX – начале XX в. Одним из первых был профессор из Бонна Л.К. Гётц, который написал четырёхтомное сочинение, посвящённое Русской Правде. Он был не новичком в изучении древнерусской истории: в его научном багаже были работы, посвящённые взаимоотношениям государства и церкви, и другим вопросам. У немецкого учёного наличие государства в Киевской Руси не вызывало сомнения, но в старых добрых традициях немецкой науки он не мог представлять его появление слишком спонтанным.

Как подметил С.Н. Валк, немецкий учёный развивал взгляды своего уже довольно далёкого предшественника — Э.С. Тобина, трудившегося в Дерптском университете, правда, не зная об их существовании. [11; 312]. Древнейшую Правду он посчитал памятником обычного или, по его мнению, докняжеского (а соответственно, догосударственного) права. Князь в это время не вмешивается в дела общины, и община сама решает все правовые проблемы, используя архаические механизмы вроде свода и т. В сознании историка своеобразно преломилось совпадение «мира» (общины) и города в Киевской Руси: он посчитал, что ещё не сложилась городская организация; судебные власти имели общинный характер и т. д. [12; 81, 74–75, 138, 177–183].

Когда князь начинает вмешиваться в дела общины, это свидетельствует о значительном усилении его власти, а значит, и о формировании государства. И здесь судьбоносное значение историк придаёт «реформам» Владимира. Именно они знаменуют трансформацию общинного права в княжеское, *Volksrecht* в *Fürstenrecht*. Он постарался сравнить русское право с правовыми системами других стран — соседей Руси и Византии.

Русские историки очень живо отреагировали на солидное сочинение профессора Боннского университета. Это и понятно. Как отмечал в своей рецензии А.Е. Пресняков, западная наука «вовсе чужда знакомства с нашими древностями», а тут такое внимание к ним. Все хвалили немецкого профессора, но и по-дружески критиковали его. Петербургский историк подметил, что Л.К. Гётц слишком раздул значение «реформы» Владимира, а увлекшись своей схемой, произвольно отнёсся к

текстам Русской Правды [13; 154–155, 164]. На это обратил внимание и М.А. Дьяконов в рецензии на первый том [14; 233, 241] а А.Н. Филиппов подверг критике попытку Л.К. Гётца вывести древние обычаи Русской Правды из варварских правд германских народов [15; 172]. М.Ф. Владимирский-Буданов писал: «Такого переворота в истории права тотчас не произошло: и влияние христианства и византийских идей совершалось постепенно в течение многих последующих веков, когда продолжали царствовать двоеверие и двоеправие». Деятельность князей он посчитал минимальной, зачаточной формой государственности [16; 12, 18]. Те же мысли высказывал и А.В. Флоровский, анализируя все четыре тома сочинения немецкого профессора [17; 9–12, 18]. Русские историки показали, что Л.К. Гётц неправильно представляет себе соотношение разных редакций Русской Правды, преувеличивает западное влияние на русское право. Не остался в стороне и славный чешский историк К. Кадлец, который был не согласен с утверждением немецкого учёного о частном характере Русской Правды [18; 23].

Почему почтенный германский профессор так противопоставил общину и князя в процессе политогенеза? Наверное, он отдал дань норманизму, для которого такое противопоставление характерно...

Древнерусский политогенез продолжал интересовать немецкую историографию в период между двумя мировыми войнами. Для этого времени можно отметить книжку историка-медиевиста Г. Лэра [19]. Как подметил рецензент, автор хорошо знал русскую историографическую традицию [20; 241–247]. Неудивительно, что ему была известна демократическая теория, хотя упор он делал на торговый характер властвования древнерусского города над округой [19; 11–17]. Помимо торговой теории над историком, естественно, порхала и химера норманизма, о чём говорит сама структура его небольшой по объёму работы. После введения шла глава о норманнах в Восточной Европе, затем о создании государства у восточных славян, а уж потом три главы отводились первым русским князьям. При этом историк повествовал о возникновении «государства» столь высоким «штилем», что вызвал критику менее романтически настроенного рецензента-датчанина.

После войны в изучение истории Киевской Руси включился целый отряд исследователей, которых в СССР ласково называли «остфоршерами, реваншистами и псевдоисториками». «Ничто на свете не пропадает. Наблюдательные представители западногерманской неофашистской историографии быстро поняли, чем им можно поживиться от эмигрантского пирога», — очень точно, но в духе риторики того времени писал В.Т. Пашуто [4; 109]. Теперь приходится несколько изменить ракурс видения проблемы. Получается так, что «остфоршеры» развивали плодотворное направление досоветской историографии в противовес схоластическому советскому. Однако не стоит и преувеличивать влияния русских историков-эмигрантов на немецких историков, которые имели свою традицию изучения Древней Руси.

Конечно, усвоение русского историографического наследия не всегда было глубоким. Зачастую оно преломлялось сквозь призму политики и навеянных ею схем. Но даже в таком виде эти воззрения отражали адекватную концепцию политогенеза. В качестве примера можно привести известного историка Г. фон Рауха. Он развивал идею федерации, в которую были объединены «независимые феодальные княжества» [21; 51114; 22; 11]. Это наблюдение должно было доказывать возможное сходство Руси с Европой в домонгольский период. Появление автократических тенденций историк связывал с властью Москвы.

М. Хеллманн, автор многих статей по славянской истории. Полезность его наблюдений в постоянном сравнении древнерусского политогенеза с западнославянским, просто западным и Византией. Причём если с западнославянским миром сходство бросается в глаза, то с Западной Европой такого не наблюдается. Историк не нравится стремление советских историков сравнивать Киевскую Русь с Франкским и Каролингским государствами. Хотя она и имеет в своём политическом устройстве многие черты, привнесённые северными германцами (норманнами), но в ней нет германского духа и германских «жизненных форм» [23; 75, 83].

Он сторонник идеи о постепенном вызревании политической организации восточных славян. Политическое развитие восточных славян начинается с родовых отношений, с рода [23; 23]. Именно в родовом обществе и зарождается первая власть — древнейшего князя [23; 39–44, 103, 113, 147], с которым связано не только понятие «княжители», но и слово «держати» землю. Мощь родовых отношений закладывает основы дальнейших силы и влияния общины в древнерусской истории, чему исследователь посвящает отдельную статью. Причём община живёт в разных формах: и в малой (вервь), и большой (мир). В этой своей ипостаси община может сливаться с городом и его округой, на что есть конкретные указания в Русской Правде [23; 204–205]. В этом важном наблюдении исследователь мог опереться не только на русскую науку, но и своего соотечественника Х.Ф. Шмида [24; 80–104]. Именно в этой среде зарождается древнейшее право, та старина, которую потом вынуждены принимать во внимание князья.

Уже в глубокой древности появляется и другая власть — местного князя, которая концентрируется в небольшом ещё городе (бурге), причём город с самого начала имел полифункциональный характер [23; 34, 105]. Такие же древние корни имеет и десятичная система, известная и многим другим древним народам. В целом социальная и политическая структуры

древних славян были более рыхлыми, простыми и неустойчивыми, чем у германских племён [23; 46–47, 82, 35].

На эти структуры накладывается ещё и третья власть — скандинавских торговцев и воинов, чьи дружины оседали в уже готовых центрах славянской власти¹. Во главе её оказывается клан Рюриковичей, представители которого сидели в городах. Как и другие немецкие историки, М. Хеллманн пристальное внимание обращает на города, на их устройство и социальную структуру [23; 215–242]. В городах с конца X в. историк замечает вече — народное собрание, в котором принимали участие как знатные люди, так и простые. Власть вече росла, придавая князю статус наёмного работника, с которым заключался трудовой договор².

Результатом политического развития Руси явилось появление городов-государств. В своей вводной лекции при занятии доцентской кафедры Фрайбургского университета германский историк даёт такой портрет этого социального организма, что, имея я под рукой (а не в спецхране) его работы в 80-е гг. прошлого столетия, я обязательно привёл бы из него выдержки в своих трудах. Таковую систему, в которой огромную роль играет вече, в том числе и в рамках автономных кончанских структур, и князь не располагает всей полнотой власти, а власть этих органов власти (князя и вече) распространяется на городскую округу — историк называет «территориальной государственностью», в отличие от той *Personenverbandsstaates*, которая была в то время в Европе.

Древнерусская элита отличалась от европейской. Здесь (как и во всех славянских странах) не сложилась своя политически активная и независимая знать [23; 84, 18]. По мнению историка, отличие было в самом характере службы, которая была добровольной, но при этом основывалась на принуждении, подчинении и заинтересованности в материальном вознаграждении [23, 29–30, 184–189].

В корне отличалось от западного и развитие права. Исследователь считает, что нет оснований говорить о некоем «праславянском» целостном праве, что право в Киевской Руси рождалось из попыток князя создать такую юридическую основу общества. При этом самому князю приходилось в полной мере делить свои правовые функции с общиной.

Существование таких городов-государств не вызывает удивления, поскольку в Киевской Руси не было феодализма [23; 192]. Этой теме историк посвящает отдельную интересную статью [23; 177–200]. Историк сравнивает наши города-государства с коммунарами Италии, замечая при этом и существенные отличия. Это объясняется различным происхождением: если итальянские ведут своё начало от древнеримских традиций, то древнерусские... могут быть заимствованы из Византии, где такие традиции тоже были. Вот тут вряд ли можно согласиться с почтенным историком, ведь с таким же успехом можно вспомнить древнегреческие полисы, которые когда-то были населены обитателями Причерноморья.

Если говорить о проблеме государствогенеза, то конечный вывод исследователя таков. Все элементы государственности (*Staatlichkeit*) были, но в полной мере государственный порядок так и не сложился [23; 85].

Г. Штёкль — профессор университетов Вены и Кёльна — автор многих работ по истории России. Общий труд по истории нашей страны несколько раз переиздавался [25]. Учёный отдаёт себе отчёт в трудности восстановления славянского политогенеза, погружаясь в полемику по поводу «рода», «общины» и «задруги» [25; 22 – 23].

Достаточно ещё слабый уровень политического развития, а также экономика, основой которой была торговля, не очень-то способствовали полито- и государствогенезу, растянувшимся на длительное время. В этом смысле спор между норманистами и антинорманистами кажется историку лишённым предмета. Получается, что вплоть до Владимира, до крещения Руси, государство ещё трудно назвать государством, поскольку оно держалось на временной даннической зависимости [25; 33, 39].

Можно ли называть государством то, что возникло на Руси? Историк рисует портрет этого социального организма вполне в духе русской исторической науки. Он обнаруживает в политической системе наличие двух властей: князя и вече. Причём вече «реваншист» считал формой непосредственной демократии, руководившей военным ополчением. Компетенции вече определить трудно — оно решало разнообразные вопросы.

Назвать это государством трудно. И не только из-за отсутствия феодальной системы. Страна распадалась на земли-княжения, и единство поддерживалось только личностью великого князя [25; 66–69].

Историк отдельно занимался историей Галицко-Волынской земли, отказываясь вслед за украинскими историками называть её «державой». Он считал, что современные понятия сложно применять к средневековым политическим реалиям [26; 10; 27; 484–533].

Работы одного из главных «остфоршеров» — Г. Людата — позволяют отчасти поспорить с В.Т. Пашуто. Похоже, что в определённый момент немецкие историки как люди культурные и здравомыслящие стали попадать под сильное влияние советской исторической науки, которая впечатляла особенно своими археологическими достижениями, причём не только накоплением

¹ Тут на концепцию немецкого учёного сильно повлияли труды датчанина А. Стендер-Петерсена.

² Судя по сноскам, это своеобразная трактовка высказываний В. О. Ключевского.

археологического материала, но и его интерпретацией [28; 117 – 118]. Наблюдения советских историков и археологов заставляют думать, что древнерусский город не отставал от западного. Причём город Г. Людат понимал широко, вместе с его округой. В городе действовало вече, на которое собирались все свободные жители города и его «административного округа». При этом немецкий историк упрекает своих советских коллег в том, что они всячески стараются подчеркнуть демократический характер веча, выпячивают роль народных масс (так называемых «чёрных людей») [28; 119, 122].

Мне кажется, что здесь мы наблюдаем наложение друг на друга разных влияний и смешение разных концепций. Влияние эмигрантской (а соответственно, и «дореволюционной» русской историографии) уходит в прошлое, но отчасти ещё сохраняется, а на смену ему идут новые веяния.

В работах О. Бруннера сильнее ещё первые русские влияния. Перед нами предстаёт город, в котором есть (как и в Европе) «взаимозависимость городской власти и городской общины». Города, прежде всего, политические центры, которые властвуют над округой. Тем более что ни правовых, ни социальных отличий между городом и округой не было. Городское вече стояло гораздо ближе к народным собраниям галлов и германцев Цезаря и Тацита, «чем к европейской городской общине» [29; 1–27]. Такая трактовка роли города опиралась на идеи об отсутствии на Руси феодализма, во всяком случае в европейском понимании этого слова.

Особый случай явили собой работы К. Цернака. Историк изобразил древнерусский волостной строй во всей его красе: здесь и вече (вечем-то он в основном и занимался), которое происходит в главном городе волости, здесь и сама эта волость, которая подчиняется главному городу, причём волость и появляется, когда ей надлежит появиться — во второй половине XI в. [30; 112, 118, 131–133 ff; 32; 13ff].

Но какое объяснение даёт этому строю германский историк? Ему не нравится идея «дореволюционной» русской историографии о «вечевом быте» в Киевской Руси, который, как он почему-то считает, противопоставлялся княжескому строю. Естественно, ещё меньше импонирует ему мысль марксистских историков о классовой борьбе в древности. И тогда он придумывает свою концепцию, исходя из того, что в древности у всех народов была такая терминологическая пара: «*grincers — ropulus*», отражавшая суть представлений о социальных отношениях. На Руси этому соответствует летописная формула «князь — люди», препарируя которую историк выходит на «мужей-бояр» и на стоящих ниже ступенькой «людей».

Именно знать заседала в древних народных собраниях, а появившееся в середине XI в. вече, никак не связано с древним славянским народовластием, в которое историк, кстати, и не очень-то верит [30; 82, 257]. Вече родилось тогда, когда на авансцене истории появились «люди градские» (которых историк почему-то считает верхушкой), которые могли возглавить народное собрание. Другой важнейшей предпосылкой его появления была победа отчинного принца [30; 133], усиление власти князей над землями. Вече в этих условиях — это, с одной стороны, партнёр князя, а с другой — орган власти, корректирующий действия князя в пользу знати и горожан. Здесь заметны и реминисценции «коммунального» подхода к древнерусскому городу. Неслучайно историк ссылается на работу М. Н. Тихомирова — он также считает, что на Руси формировалось некое городское сословие, борющееся за свои права [30; 144–145; 265–266].

Весомость наблюдениям должна придать и компаративистика: древнерусское вече сравнивается с народными собраниями у западных славян. Более того, эти наблюдения вливаются в русло изучения парламентских форм [31; 23]. Такой характер веча определяет и его дальнейшую судьбу. На Северо-Востоке (Владимирская Русь) оно отмирает, ввиду усиления княжеской власти и монгольского вторжения. Галицкая Русь всё больше начинает походить на западные образцы, где существует не вече, а по крайней мере предпарламент [30; 112].

Своим путём идёт Новгород. Он не стал отчиной одной династии, и привилегии княжеского «партнёра» необычайно развились, сформировалось вече *de facto* самоуправляющегося города-государства. Впрочем, это вече мало походило на остальные вечевые собрания домонгольской Руси [31; 15]. Неслучайно К. Цернаку так понравилась концепция В. Л. Янина об изначальном аристократизме, правившем бал в волховской столице [30; 182].

Концепция германского историка вызвала активную реакцию и его «марксистских коллег» и товарищей по научному цеху. В рамках данной статьи погружаться в эту дискуссию нет возможности. Отмечу лишь один забавный момент. На защиту древнерусской демократии встал ни кто иной, как В.Т. Пашуто! В своей рецензии на работу германского историка он писал: «Стремясь доказать ошибочность тезиса советской исторической науки о вече как отмирающем свидетельстве былого народовластия патриархально-общинных времён..., он (К. Цернак — А. Д.) отбрасывает целый ряд свидетельств о вече» [32; 235]. Видимо, советские историки далеко не всегда понимали, что народовластие очень плохо уживается со столь любезным их сердцу феодализмом...

К концу 70-х гг. историки ФРГ и Швейцарии подготовили труд, который советским историкам напоминал родные «Очерки по истории СССР периода феодализма» (1953–1961). Вообще-то, речь

идёт о характерной для немецкоязычной традиции форме — *Handbuch* (у нас переводят — «Руководство»)¹.

Первый том был подготовлен под руководством М. Хеллманна. В предисловии проводится вполне здравая мысль о необходимости выявить своеобразие средневековой Руси, в чём автор рецензии усмотрел антимосковскую направленность [33; 120]. «Географическое введение» К. Гёрке интересно в том числе и тем, что он оспорил попытки применить к Киевской Руси известную теории Ф. Тэрнера о фронтире («мобильной границе»). Такая попытка была в американской историографии [34].

Раздел о Киевской Руси написал самый тогда молодой член авторского коллектива — Х. Рюс. Расхождение с марксистами начинается тогда, когда он добирается до рода. Хотя в чём различие, понять трудно, поскольку и для Х. Рюса, как и для автора идеи — М. Хеллманна, род — зародыш дальнейших крупных людских союзов.

Должное внимание учёный уделяет и общине как «естественному демократическому образу жизни» [35; 254, 259, 405]. Он старается, надо отдать должное, не попасть под влияние норманизма, отмечая, что на вопрос, была или нет колонизация Восточной Европы (А. Стендер-Петерсен, Т. Арне), ни позитивного, ни негативного ответа пока нет. Варяги не основали «государство» на Руси, но отрицать значительное их влияние на славян нельзя [35; 277, 279]. Впрочем, этого «некоего единого государства» исследователь не видит и в X столетии. Разве что ростки его в виде «институализированной центральной власти» появляются во времена Ольги [35; 299].

Но и к времени Владимира говорить о едином государстве преждевременно. Вот почему преувеличивать распад Киевской Руси после 1054 г., как это обычно делается, не стоит, т. к. говорить о единстве государства можно только в смысле формального единовластия. Даже в эпоху, казалось бы, неоспоримого первенства Киева как политического центра государственный строй имеет явные признаки федерации, которая базируется на принципе старшинства и даннической зависимости [35; 339]. Здесь, наверное, основной пункт расхождения с советской историографией: немецкий учёный не признает (и правильно делает) пресловутую феодальную раздробленность.

Он и вовсе отрицает существование феодализма на Руси. Крупные вотчины были подобны островкам в море свободного общинного землевладения. Древнерусская знать, обосновавшаяся в городах, кардинально отличалась от западноевропейского дворянства. Дань, по его мнению, не является феодальной рентой, и нет оснований говорить о «раннефеодальном государстве» (с чем решительно и порвал советский историк И.Я. Фроянов) [35; 299, 366–368].

Конечно, жаль, что историк не рассмотрел все русские земли². Мне ещё жаль, что он повторяет нелепости советской историографии о некоем соборе во Владимиро-Суздальской земле в 1211 г. [35; 346]. Но вот дальнейший ход его мыслей радует. Вполне в унисон с нашей «дореволюционной» историографией он отмечает, что определить этот конгломерат волостей, земель и княжений, который представляла собой Русь, в понятиях современной государственной теории невозможно. На Руси была княжеская иерархия, которая определялась не генеалогической иерархией, а реальным соотношением сил [35; 349].

Особую роль в политической жизни Киевской Руси играл город, в котором жили разные слои населения, ибо чётко выраженных сословий Русь ещё не знала. Город был средоточием власти князя над самим городом и его округой. Вот почему в городском вече участвовали и сельские жители. Такое единство города и волости составляет своеобразие Киевской Руси и нигде не встречается на Западе. В городах формировался некий корпоративный орган правления, действовавший благодаря князю и его свите [35; 348].

В городах функционировало вече. Хотя связать его с племенной «демократией» на основе имеющихся источников трудно и в нём явно заметен вес верхушки, вече в полной мере было органом власти, выражавшим интересы рядовых горожан [35; 393]³. Видеть в нём проявление классовой борьбы, как это делает В. Т. Пашуто, можно только относясь к источникам с предубеждением [35; 394].

Интересен следующий пассаж историка: свободный город в предмонгольской Руси не был свободен ни от княжеской верховной власти, ни от влияния знати. Его свобода состояла в обычаях выбирать власть и ограничивать её в правах. Князья должны были прислушиваться к мнению горожан, тем более что горожане могли и другого князя призвать [35; 391]. Мы можем спросить почтенного немецкого историка: а что — этого мало? Да нам и сейчас такое только снится! Он, видимо, позсознательно сравнивает древнерусскую свободу с западноевропейской, а земский строй — с западной коммуной... Да ведь и князь в Киевской Руси ещё не был оторван от народа, а был плоть от плоти волостной системы...

Как бы то ни было, ясно, что концепция древнерусского политогенеза германского «Руководства по русской истории» создавалась под явным влиянием демократической теории. Это явно видно и в трактовке Русской Правды. Х. Рюс, как бы развивая взгляды своего давнего

¹ Через несколько лет в СССР была опубликована обстоятельная рецензия на три главных раздела первого полутoma [34; 118–152]. Рецензия написана в «лучших» традициях борьбы с «остфоршерами», когда хотят не столько понять, сколько «суть» противника.

² К недостаткам справедливо отнёс это и А. Н. Назаренко [33; 135]

³ Здесь автор опирается на работы И. Я. Фроянова о вече.

предшественника Л. Гётца, вообще не видит в этом древнем законодательстве сознательной деятельности княжеской власти. Это царство обычного права [35; 216].

Несколько сложнее его отношение к былинам. Хотя историк отдаёт должное теории аристократического происхождения былин, он не отчуждает народ от эпоса и замечает в нём «живой народ» [35; 223].

Отдельный труд Х. Рюс посвятил древнерусской знати, которая отличалась от европейской. Правда, основное внимание он уделяет следующему («Московскому») периоду. Но мысли его касательно знати Киевской Руси продолжают уже намеченную им линию. Основной чертой древнерусской знати историк считает мобильность, ориентацию на город и на князя с его двором. Боярство сформировалось в результате княжеской службы, и по этой причине знать была социально «проницаема» и имела ярко выраженные военные обязанности. Историк вновь подтверждает отсутствие феодализма на Руси [36; 18–20, 105–106, 153–156].

С точки зрения демократической теории интересны взгляды К. Гёрке¹. В «Руководстве», о котором идёт у нас речь, ему принадлежал раздел о Новгороде и Пскове [37; 431 – 472; 38; 357 – 378]². Он проанализировал постепенное нарастание демократических традиций, отдав должное событиям 1136 г., когда посадник стал избираться вечем. Проследил за формированием городской волости Новгорода и Пскова. Изучил социальную структуру и сделал вывод, что до начала XV в. ещё существовала социальная мобильность [37; 445, 459].

Центральным звеном управления Новгородом и Псковом было вече, которое обладало всеобъемлющими функциями и в котором принимало участие всё свободное население. Вполне солидаризуясь с К. Цернаком, историк видит и олигархическую основу под этой демократией в лице боярства. Однако он не склонен, особенно во Пскове, преувеличивать силу это олигархии. Во всяком случае, постоянных боярских «партий» в Новгороде не было — они сбивались в группы под воздействием тех или иных обстоятельств [37; 465].

Рассуждая в конце своего раздела о значении Новгорода и Пскова в русской истории и сославшись на А.П. Щапова и Н.И. Костомарова, он призвал тщательнее присмотреться к особенностям социально-политического развития городов-республик, которые не привлекают внимания из-за традиционного «москвоцентризма» историков. При этом он уже ритуально подчеркнул, что возвести вечевое устройство к древнеславянской демократии пока нельзя, но эти города-государства свидетельствуют о существовании в русской истории «регионалистских» и «демократических» сил [37; 479–480]³. Исследователь попытался найти место для таких городов-государств в Европе. Некоторые черты внутреннего устройства сближают их с западными коммунами, но другие — с североитальянскими и далматинскими городами-государствами. Остаётся только пожалеть, что учёный не обратился к материалам по другим древнерусским городам-государствам. А если бы он видел всю русскую историографию в перспективе, он наверняка поддержал бы демократическую теорию.

Сделать это ему было бы тем легче, что в предшествующий период (IX–X вв.) государства на Руси он не находил. Начиная с VIII в. он замечает сдвиги в социальном и экономическом развитии восточных славян, но только в следующем столетии появляются племенные союзы полян и древлян, а также, вероятно, вятичей и радимичей. Происходит это под воздействием внешних факторов — включения славян в международную торговлю и появления варягов [41; 170]. Но лишь христианство создало предпосылки для формирования стабильной государственности: возникла письменность, а также церковно-политические институты, которые консолидировали подвластные киевским князьям территории.

Как видим, западногерманская историография стала своего рода феноменом мировой русистики. Подхватив эстафету русской эмигрантской историографии и опираясь на собственные уже имеющиеся традиции, германские учёные внесли очень серьёзный вклад в изучение древнерусского политогенеза. И жаль, что теперь эта сфера знания в Германии, видимо, отмирает. Из заметных работ можно отметить лишь многочисленные статьи и книгу Г. Шрамма [42; 340–370; 43; 155–160]. Они, к сожалению, мало вносят нового в изучение политогенеза. Может быть, потому, что автор филолог и его интересуют, прежде всего, вопросы языкознания. Как и большинство филологов (отечественных и зарубежных), он не хочет (не может?) разобраться в хитросплетениях политогенеза. Вот почему Древняя Русь для него в политическом отношении — некое чудо [44; 132]. В его работах в очередной раз найдём модификацию «торговой теории» В. О. Ключевского. Формирование «государства» он связывает с деятельностью норманнов, которые продвигались по водным путям и основывали свои опорные пункты [45; 15–39].

Стоит упомянуть ещё работу У. Хальбаха, посвящённую древнерусскому княжескому двору. Эта работа вполне укладывается в рамки традиций немецкой исторической школы русистики и

¹ Ассистент М. Хеллманна в Мюнстерском университете, в дальнейшем возглавлял средневропейское отделение Исторического семинара в Цюрихе (Швейцария).

² В духе демократической теории работал и Й. Лойшнер, который писал об отсутствии социальной дифференциации в Новгороде и об участии в вече всех свободных людей [39; 33,53].

³ Именно новгородский материал послужил для историка почвой для обоснования *Regionalismus* в средневековой русской истории [40; 82–94].

славяноведения. Для неё характерна та же сильная сторона — сравнительно-исторический подход. Сравнивая древнерусский княжеский двор с его европейскими собратьями, историк показал, что он развивался автономно, не подвергаясь внешним влияниям, а главное — был прост и примитивен. Собственно, и сформировался он только в «удельный период», когда дружина стала оседать на землю, а князья стали осваивать свои волости [46; 60–61, 169–174, 347–348].

Вполне можно согласиться с историком и в том, что в условиях Киевской Руси не могла развиться «служебная система», которую он наблюдает уже в Руси Северо-Восточной в XIII–XIV вв.

Выводы. Непредвзятый анализ немецкой исторической литературы, основанный на знании российского историографического процесса, приводит нас к неожиданному выводу. Немецкие историки взяли на вооружение ту концепцию древнерусского политогенеза, истории древнерусского государства, которая была разработана российской исторической наукой до 1917 г. Они внесли свой вклад в развитие данной теории. Советская историческая наука, ведя борьбу с «остфоршерами», одновременно боролась и с прежней российской историографией. Между тем, господствовавшая в советской исторической науке концепция раннего феодального государства, которая явно модернизировала и извращала историю, основанная на постулатах доморощенного марксизма, была шагом назад по сравнению с тем, что было сделано в отечественной «дореволюционной» науке.

Примечания:

1. Крадин Н.Н. Политическая антропология. Учебное пособие. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2001. 213 с.
2. Гринин Л.Е. Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ// Ранние формы политических систем. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 9–98.
3. Пашуто В.Т. О мнимой соборности Древней Руси// Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 181–191.
4. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991. 401 с.
5. Шушарин В.П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М.: Изд-во «Наука», 1964. 304 с.
6. Шаскольский И.П. Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.; Л.: Изд-во «Наука», 1965. 218 с.
7. Малиновський О. Староданій державний лад східніх слов'ян і його пізніші зміни. Нариси з історії права. К.: З друкарні Всеукраїнської Академії Наук, 1929. 170 с.
8. Фроянов И.Я. Киевская Русь, Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 256 с.
9. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 269 с.
10. Иоганн Готфрид Гердер. Идеи к философии истории человечества. 2-е изд., испр. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 760 с.
11. Валк С.Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20–40-х гг. XIX века// Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. Научное наследие. СПб.: Изд-во «Наука», 2000. С. 251 – 338.
12. Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда). Bd. I. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910. 322 s.
13. Пресняков А.Е. Рец. [Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда). Bd.I–II. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910–1911] // ЖМНП. Ноябрь. Ч. XLII. 1912. С. 153–167.
14. Дьяконов М.А. Рец. [Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда). Bd.I. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910]// ИОРЯС. Т.XVI. 1912. С. 232–252.
15. Филиппов А.Н. [Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда). Bd.I–IV. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910–1911]// Юридический вестник. М., 1914. Кн. VI (II).С. 164–216.
16. Владимирский-Буданов М.Ф. Рец.[Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда). Bd.I. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910]// Киевские университетские известия, 1911, № 3 (март). С. 1–24.
17. Флоровский А.В. Новый взгляд на происхождение Русской Правды. Одесса, 1912. 28 с.
18. Kadlec K. Neue Ansichten über Russkaja Pravda // Archiv für slavische philologie. 1916. Bd. 36. H. 1/2. S. 282 – 320.
19. Gerhard Laehr. Die Anfänge des russischen Reiches. Politische Geschichte im 9. und 10. Jahrhundert (Historische Studien nbg. E.Ebering. Nr. 189). Berlin, 1930. 145 s.
20. Ad. Stender-Petersen. Rec. [G. Laehr. Die Anfänge des russischen Reiches. Berlin, 1930]// Zeitschrift für slavische Philologie. B. VIII. Leipzig: Markert & Petters Verlag. 1931. S. 241–247.
21. Rauch Georg von. Volk und Staat in der russischen Geschichte. Zum problem der Autokratie in Rus'// Europa-Archiv, 7, 1952. S. 5113–5120.
22. Rauch Georg von. Russland: Staatliche Einheit und nationale Vielfalt. München, 1953. S. 11 (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München. Bd. 5). 235 s.
23. Manfred Hellmann. Beiträge zur Geschichte des Östlichen Europa im Mittelalter. Gesammelte Aufsätze. Amsterdam: Verlag Adolf M. Hakkert, 1988. 386 s.

24. H. F. Schmid. Die Burgbezirksverfassung bei den slavischen Völkern in ihrer Bedeutung für die Geschichte ihrer Siedlung und ihrer staatlichen Organisation// Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, N.F. Bd. II. 1926. S. 80–104.
25. Последнее известное мне издание: Manfred Alexander, Gunther Stökl. Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 7 Auflage. Stuttgart: Alfred Kroner Verlag, 2009. 924 s.
26. Günther Stökl. Die Geschichte des Fürstentums Galizien-Wolhynien als Forschungsproblem// Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1980. S. 9–17.
27. Günther Stökl. Das Fürstentums Galizien-Wolhynien// Handbuch der Geschichte Russlands. B. 1: Bis 1613. Lief. 7. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1980. S. 484–533.
28. Herbert Ludat. Wczesne formy życia miejskiego w Europie Wschodniej// Herbert Ludat. Słowianie — Niemcy — Europa. Wybór prac. Marburg — Poznań, 2000 (Ludat H. Frühformen des Städtewesens in Osteuropa// Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesen. Lindau, 1959). S. 117–122.
29. Otto Brunner. Europäisches und russisches Bürgertum// Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1953. Bd. 40. H. 1. S. 1 – 27.
30. Klaus Zernack. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967. 245 s.
31. Klaus Zernack. Fürst und Volk in der ostslavischen Frühzeit// Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 18. Wiesbaden, 1973. S. 9–23.
32. Папуто В. Т. В ущерб истине (По поводу книги о русском вече)// История СССР, 1968. № 5. Сентябрь-октябрь. С. 235–237.
33. Назаренко А. Н. Новые тенденции изучения истории Древней Руси в историографии ФРГ (коллективный труд «Руководство по русской истории»)// Культура и общество Древней Руси (X–XVII вв.) (Зарубежная историография). Реферативный сборник. Ч. I. М., 1988. С. 118 – 152.
34. Wiczynski J.L. Toward a Frontier Theory of Early Russian History// Russ rev. Stanford (Calif.), 1974. V. 33. P. 284–295.
35. Rüb H. Das Reich von Kiew // Handbuch der Geschichte Russlands. B. 1: Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum. Lief. 4/5, 6. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1979. S. 199–430.
36. Rüb H. Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels 9–17. Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien, 1994. 214 s.
37. Carsten Goehrke. GrossNovgorod und Pskov/Pleskau// Handbuch der Geschichte Russlands. B. 1: Bis 1613. Lief. 6. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1980. S. 432–483.
38. Goehrke C. Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge 1963–1964. Konstanz, Stuttgart, 1966. 273 s.
39. Leuschner Jörg. Novgorod. Berlin, 1980. (=Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe 1. Giessner Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 107). 288 s.
40. Carsten Goehrke. Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorüberlegungen für eine künftige Untersuchung// Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Werner Philipp zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1978. S. 75–107.
41. Carsten Goehrke. Frühzeit des Ostslaventums Unter Mitwirkung von U. Kälin. Darmstadt: «Wissenschaftliche Buchgesellschaft», 1992 (= Erträge der Forschung. Bd. 277). 273 s.
42. Назаренко А. В. Новый свет на происхождение Древней Руси? (О последней книге проф. Г. Шрамма)// Средневековая Русь. Вып.6. М.: «Индрик», 2006. С. 341–370.
43. Шаскольский И. П. Русско-скандинавские отношения раннего Средневековья в работах Г. Шрамма (Историографический обзор)// Отечественная история, 1994. № 2. С. 155–160.
44. Schramm G. Altrusslans Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9 und 10. Jahrhundert. Freiburg, 2002 (Rombach Wissenschaften; Reihe Historie. Bd. 12). 569 s.
45. Schramm G. Fernhandel und frühe Reichsbildungen am Ostrand Europas: Zur historischen Einordnung der Kiever Rus'// Staat und Gesellschaft in Mittelalter und Früher Neuzeit: Gedenschrift für Joachim Leuschner. Göttingen, 1983. S. 15–39.
46. Halbach U. Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert. Eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Ruś. Stuttgart, 1985. 384 s.

References:

1. Kradin N. N. Politicheskaya antropologiya. Uchebnoye posobiye. M.: Nauchno-izdatelsky tsentr «Ladimir», 2001. 213 s.
2. Grinin L. Ye. Ranniye gosudarstva i ikh analogi v politogeneze: tipologii i sopostavitelny analiz// Ranniye formy politicheskikh sistem. SPb: MAE RAN, 2012. S. 9–98.
3. Pashuto V. T. O mnimoy sobornosti Drevney Rusi// Kritika burzhuaznykh kontseptsy istorii Rossii perioda feodalizma. M., 1962. S. 181–191.
4. Pashuto V. T. Russkiye istoriki-emigranty v Yevrope. M.: Nauka, 1991. 401 s.
5. Shusharin V. P. Sovremennaya burzhuaznaya istoriografiya Drevney Rusi. M.: Izd-vo «Nauka», 1964. 304 s.

6. Shaskolsky I. P. Normanskaya teoriya v sovremennoy burzhuaznoy nauke. M.; L.: Izd-vo «Nauka», 1965. 218 c.
7. Malinovskii O. Starodaniy derzhavny lad skhidnikh slov'yan i ygo piznishi zmini. Narisi z istorii prava. K.: Z drukarni Vseukraïnskoï Akademii Nauk, 1929. 170 s.
8. Froyanov I.Ya. Kiyevskaya Rus, Ocherki sotsialno-politicheskoy istorii. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1980. 256 s.
9. Froyanov I.Ya., Dvornichenko A.Yu. Goroda-gosudarstva Drevney Rusi. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1988. 269 s.
10. Iogann Gotfrid Gerder. Idei k filosofii istorii chelovechestva. 2-e izd., ispr. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2013. 760 s.
11. Valk S. N. Russkaya Pravda v izdaniyakh i izucheniyakh 20–40-kh gg. XIX veka// Valk S. N. Izbrannyye trudy po istoriografii i istochnikovedeniyu. Nauchnoye naslediyе. SPb.: Izd-vo «Nauka», 2000. S. 251–338.
12. Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Russkaya Pravda). Bd. I. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910. 322 s.
13. Presnyakov A. Ye. Rets. [Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Russkaya Pravda). Bd.I–II. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910–1911] // ZhMNP. Noyabr. Ch. XLII. 1912. S. 153–167.
14. Dyakonov M. A. Rets. [Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Russkaya Pravda). Bd.I. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910]// IORYaS. T.XVI. 1912. S. 232–252.
15. Filippov A.N. [Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Russkaya Pravda). Bd.I–IV. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910–1911]// Yuridichesky vestnik. M., 1914. Kn. VI (II). S. 164–216.
16. Vladimirsky-Budanov M. F. Rets.[Leopold Karl Goetz. Das Russische Recht (Russkaya Pravda). Bd.I. Stuttgart Verlag von Ferdinand Enke, 1910]// Kiyevskiye universitetskiye izvestiya, 1911, № 3 (mart). S. 1–24.
17. Florovsky A. V. Novy vzglyad na proiskhozhdeniye Russkoy Pravdy. Odessa, 1912. 28 s.
18. Kadlec K. Neue Ansichten über Russkaja Pravda // Archiv für slavische philologie. 1916. Bd. 36. H. 1/2. S. 282 – 320.
19. Gerhard Laehr. Die Anfänge des russischen Reiches. Politische Geschichte im 9. und 10. Jahrhundert (Historische Studien nbg. E.Ebering. Nr. 189). Berlin, 1930. 145 s.
20. Ad. Stender-Petersen. Rec. [G. Laehr. Die Anfänge des russischen Reiches. Berlin, 1930]// Zeitschrift für slavische Philologie. B. VIII. Leipzig: Markert & Petters Verlag. 1931. S. 241 – 247.
21. Rauch Georg von. Volk und Staat in der russischen Geschichte. Zum problem der Autokratie in Rus'// Europa-Archiv, 7, 1952. S. 5113 – 5120.
22. Rauch Georg von. Russland: Staatliche Einheit und nationale Vielfalt. München, 1953. S. 11 (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München. Bd. 5). 235 s.
23. Manfred Hellmann. Beiträge zur Geschichte des Östlichen Europa im Mittelalter. Gesammelte Aufsätze. Amsterdam: Verlag Adolf M. Hakkert, 1988. 386 s.
24. H. F. Schmid. Die Burgbezirksverfassung bei den slavischen Völkern in ihrer Bedeutung für die Geschichte ihrer Siedlung und ihrer staatlichen Organisation// Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, N.F. Bd. II. 1926. S. 80 – 104.
25. Posledneye izvestnoye mne izdaniye: Manfred Alexander, Gunther Stökl. Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. 7 Auflage. Stuttgart: Alfred Kroner Verlag, 2009. 924 s.
26. Günther Stökl. Die Geschichte des Fürstentums Galizien-Wolhynien als Forschungsproblem// Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1980. S. 9–17.
27. Günther Stökl. Das Fürstentums Galizien-Wolhynien// Handbuch der Geschichte Russlands. B. 1: Bis 1613. Lief. 7. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1980. S. 484–533.
28. Herbert Ludat. Wczesne formy życia miejskiego w Europie Wschodniej// Herbert Ludat. Słowiane – Niemcy – Europa. Wybór prac. Marburg – Poznań, 2000 (Ludat H. Frühformen des Städtewesens in Osteuropa// Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesen. Lindau, 1959). S. 117–122.
29. Otto Brunner. Europäisches und russisches Bürgertum// Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1953. Bd. 40. H. 1. S. 1–27.
30. Klaus Zernack. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967. 245 s.
31. Klaus Zernack. Fürst und Volk in der ostslavischen Frühzeit// Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 18. Wiesbaden, 1973. S. 9–23.
32. Pashuto V. T. V ushcherb istine (Po povodu knigi o russkom veche)// Istoriya SSSR, 1968. № 5. Sentyabr-oktyabr. C. 235–237.
33. Nazarenko A. N. Novyye tendentsii izucheniya istorii Drevney Rusi v istoriografii FRG (kollektivnyy trud «Rukovodstvo po russkoy istorii»)// Kultura i obshchestvo Drevney Rusi (X–XVII vv.) (Zarubezhnaya istoriografiya). Referativnyy sbornik. Ch. I. M., 1988. S. 118–152.
34. Wiczynski J.L. Toward a Frontier Theory of Early Russian History// Russ rev. Stanford (Calif.), 1974. V. 33. P. 284–295.

35. Rüß H. Das Reich von Kiew // Handbuch der Geschichte Russlands. B. 1: Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum. Lief. 4/5, 6. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1979. S. 199–430.
36. Rüß H. Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels 9–17. Jahrhunderts. Köln, Weimar, Wien, 1994. 214 s.
37. Carsten Goehrke. GrossßNovgorod und Pskov/Pleskau// Handbuch der Geschichte Russlands. B. 1: Bis 1613. Lief. 6. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1980.S. 432–483.
38. Goehrke C. Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge 1963 – 1964. Konstanz, Stuttgart, 1966. 273 s.
39. Leuschner Jörg. Novgorod. Berlin, 1980. (=Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe 1. Giessner Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 107). 288 s.
40. Carsten Goehrke. Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorüberlegungen für eine künftige Untersuchung.// Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Werner Philipp zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1978. S. 75–107.
41. Carsten Goehrke. Frühzeit des Ostslaventums Unter Mitwirkung von U. Kälin. Darmstadt: «Wissenschaftliche Buchgesellschaft», 1992 (= Erträge der Forschung. Bd. 277). 273 s.
42. Nazarenko A. V. Novy svet na proiskhozhdeniye Drevney Rusi? (O posledney knige prof. G. Shramma)// Srednevekovaya Rus. Vyp.6. M.: «Indrik», 2006. S. 341–370.
43. Shaskolsky I. P. Russko-skandinavskiyе otnosheniya rannego Srednevekovya v rabotakh G. Shramma (Istoriografichesky obzor)// Otechestvennaya istoriya, 1994. № 2. С. 155–160.
44. Schramm G. Altrusslans Anfang: Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten yum 9 und 10. Jahrhundert. Freiburg, 2002 (Rombach Wissenschaften; Reihe Historie. Bd. 12). 569 s.
45. Schramm G. Fernhandel und frühe Reichsbildungen am Ostrand Europas: Zur historischen Einordnung der Kiever Rus'// Staat und Gesellschaft in Mittelalter und Früher Neuzeit: Gedenschrift für Joachim Leuschner. Göttingen, 1983. S. 15–39.
46. Halbach U. Der russische Fürstenhof vor dem 16. Jahrhundert. Eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Ruś. Stuttgart, 1985. 384 s.

УДК 93/94 (47). 01, 02

Древнерусский политогенез в германской историографии

Андрей Юрьевич Дворниченко

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: museumspb@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется немецкая историография, посвящённая проблеме древнерусского политогенеза: возникновения и развития политических институтов и государственности. Данная историография оказалась под сильным влиянием российской научной мысли, прежде всего, её эмигрантской ветви. В результате в трудах германских и австрийских историков отразилась «демократическая» теория политогенеза.

Ключевые слова: немецкая историография; Киевская Русь; российская эмигрантская историография; древнерусский политогенез; «демократическая» теория; города-государства; община.